

ДВА ВЕКА – ДВА СЛОВАРЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ

Рут М. Э.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6253-5711>
SPIN-код: 7590-4892

Аннотация. В 2023 году исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося советского ученого-лингвиста Дмитрия Николаевича Ушакова. В связи с этим славным юбилеем невозможно не вспомнить о любимом детище юбиляра – четырехтомном «Толковом словаре русского языка», вышедшем в 1935–1940 гг. под его редакцией, составленном при его живейшем участии и почти сразу заслужившем в филологической среде почетную номинацию «Словарь Ушакова». Прошедшие со времени выхода первого тома почти 90 лет, несомненно, внесли значительные коррективы и в сам лексический корпус русского языка, и в представления ученых-лексикографов о принципах его описания. В данной статье предпринимается пилотная попытка, не касаясь вопроса о динамике количественных изменений в русском лексиконе (появление новых слов, исчезновение устаревших и т. п.), проследить конкретную реализацию тенденций, определяющих модификацию семантики лексем литературного языка. Мы ограничиваемся лишь словами на букву А, сопоставляя отраженные в этом фрагменте лексемы с данными Большого толкового словаря русского языка (2000) и Активного словаря русского языка (2014). В ряде случаев привлекаются и данные Большого современного толкового словаря русского языка (онлайн, 2012), позволяющие проследить промежуточные ступени семантического развития тех или иных лексем. Сопоставительный анализ материала указанных словарей показал, что существует два фактора, оказавших несомненное влияние на семантические сдвиги и появление новых значений: это изменение номинируемых реалий и изменение образа этих реалий в языковом сознании носителей языка. Кроме того, мы столкнулись со спонтанными семантическими сдвигами, причины которых в рамках имеющегося на настоящий момент материала объяснить трудно. В связи с этим встает вопрос и об изменении подхода к формулировке дефиниций, тоже претерпевшей в ряде случаев явные модификации. Представляется продуктивным продолжить эту работу, опираясь на данные словаря в целом.

Ключевые слова: русская лексика; русская лексикография; лексическая семантика; изменение лексического значения; «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

Для цитирования: Рут, М. Э. Два века – два словаря: семантические нюансы / М. Э. Рут. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 83–90. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-83-90.

TWO CENTURIES – TWO DICTIONARIES: SEMANTIC NUANCES

Maria E. Ruth

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6253-5711>

Abstract. In 2023, Russian linguists celebrate the 150th anniversary of the birth of the outstanding Soviet linguist Dmitry Nikolaevich Ushakov. In connection with this glorious anniversary, one cannot fail to recall the beloved brainchild of the hero of the day – the four-volume “Explanatory Dictionary of the Russian Language”, published in 1935–1940 under his editorship, which was compiled with his active participation and immediately deserved the honorary name “Ushakov’s Dictionary” in the philological community. Almost 90 years that have passed since the publication of the first volume have undoubtedly called forth adjustments to the lexical corpus of the Russian language itself, and to the ideas of lexicographers about the principles of its description. This article makes a pilot attempt to trace the concrete implementation of the trends that determine the modification of the semantics of lexemes of the literary language without touching on the dynamics of quantitative change in the

Russian lexicon (appearance of new words, disappearance of obsolete ones, etc.). The author limits her study to the words beginning with the letter A, comparing the lexemes reflected in this fragment with the data of the Large Explanatory Dictionary (2000) and the Active Dictionary of the Russian language (2014). In some cases, data from the Large Modern Explanatory Dictionary of the Russian language (online, 2012) are also involved, that allow tracing intermediate stages of the semantic development of certain lexemes. A comparative analysis of the material of these dictionaries has shown that there are two factors that have undoubtedly influenced semantic shifts and the emergence of new meanings: these include a change in the nominated realities and a change in the image of these realities in the linguistic consciousness of the native speakers. In addition, the study has come across spontaneous semantic shifts, the reasons for which are difficult to explain within the framework of the currently available material. In this regard, the question arises about changing the approach to the formulation of definitions, which has also undergone obvious modifications in some cases. It seems productive to continue this work, relying on the data of the dictionary as a whole.

Keywords: Russian vocabulary; Russian lexicography; lexical semantics; change of lexical meaning; “Explanatory Dictionary of the Russian language” edited by D. N. Ushakov

For citation: Ruth, M. E. (2023). Two Centuries – Two Dictionaries: Semantic Nuances. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 83–90. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-83-90.

Введение

Резкие изменения в общественной жизни страны на рубеже XX–XXI веков повлекли за собой и существенное обновление русского лексикона. Резкая смена идеографической сетки языка привела к появлению мощной волны заимствований, активизации жаргонизмов и окказионализмов [Русский язык конца XX столетия 1996]. Смена идеологических ориентиров повлекла за собой переосмысление семантики целых пластов лексики. Вот красноречивый перечень связанных с изменениями в общественно-политической жизни семантических изменений, «диагностируемых» для конца XX века: «деактуализация значений, отражающих советские реалии; деидеологизация лексики; политизация некоторых групп лексики; деполитизация некоторых политических терминов; активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности как общественного явления; метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации; разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой» [Ермакова 1996: 33]. Естественным следствием идеологической переоценки лексикона, рожденного советской действительностью, стало «возвращение в узус лексики, бывшей неупотребительной» [Какорина 1996: 67], что позволило решить задачу «заполнения возникающих референциальных лакун» [Там же: 68].

Указанные процессы закономерно стали предметом многочисленных исследова-

ований, столь же закономерно отодвинувших на периферию исследовательского пространства проблемы внутреннего развития лексики русского языка, предполагающего наряду с количественными изменениями накопление смыслов, приводящих к развитию полисемии (а затем, возможно, и возникновению новых омонимов). Между тем лексикографические труды советской эпохи, первым из которых стал «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – ТСРЯ), в сопоставлении со словарями новой поры дают богатейший материал для прослеживания тихого движения лексической семантики от века к веку.

Именно такую задачу ставит перед собой автор настоящей статьи, обращаясь к словарю 1935–1940 годов, давно закрепившему за собой активно употребляющиеся в профессиональной речи русистов обозначения «словарь Ушакова» или «Ушаковский словарь».

Семантические нюансы: от «Словаря Д. Н. Ушакова» до лексикографии XXI века

Нужно сказать, что предлагаемый подход нельзя назвать популярным в отношении именно этого словаря: так сложилось, что со «словарем Ушакова» на все времена наиболее востребованным оказалось обсуждение его политической ангажированности – об этом писали и говорили и в годы формирования словаря, и в наши дни (см. об этом: [Крысин 2015; Никитин 2003, 2004, 2016, 2018]). Оцененный в советские годы как «словарь революционной эпохи» [Ожегов 2001], во времена пе-

рестройки он превратился в «лексикографический памятник тоталитарной эпохи» [Купина 1995: 4]. Между тем несомненно, что «словарь был создан в эпоху "диктатуры пролетариата", но авторы сделали все, чтобы он остался интеллектуально независимым, служил русскому языку, а не интересам партократии» [Панов 1995: 8]. Полагая, что словарь дает все основания к рассмотрению его как отражения лексического богатства первой половины XX века.

Естественно, такое рассмотрение в полной мере невозможно в рамках статьи, поэтому ограничимся пилотными сопоставлениями в пределах лишь одной буквы – буквы А. Для сопоставления привлечены данные Большого толкового словаря–2000 (далее – БТС) и Активного словаря русского языка–2014 (далее – АСРЯ). Сопоставление позволило отобрать из соответствующего фрагмента ТСРЯ слова, обретшие новые значения или их оттенки в современном литературном языке. Новые лексемы, не зафиксированные в ТСРЯ, не рассматривались.

Слова на букву А определены как зона исследования не только (и не столько) потому, что А – первая буква алфавита, а прежде всего в силу, во-первых, уместной для объема статьи ограниченности материала, во-вторых, заимствованного характера включенных в этот фрагмент лексем (показалось интересным исследовать уже устоявшиеся к началу XXI века иноязычные по происхождению лексемы в плане развития их семантики). При рассмотрении не учитывались различия в формулировках дефиниций, если они не носили принципиального характера.

Из 1276 слов на букву А в ТСРЯ лишь у 20 слов обнаруживаются семантические сдвиги разных типов. Рассмотрим их.

Наиболее ожидаемые изменения происходят при существенной модификации реалий. Так, слово *антресоли* в ТСРЯ толкуется следующим образом: «устар. 'верхний полуэтаж дома' // 'низкие комнаты, составляющие верхний полуэтаж дома» [ТСРЯ, 1: 46]. (У современного носителя языка такое толкование скорее подойдет для слов *мансарда* или *мезонин*.) Ср.: «1. В особняках 18–19 вв.: верхний полуэтаж дома, встроенный в объем основного этажа. 2. Верхний полуярус в виде открытой галереи с перилами

внутри высокого помещения. 3. Настил под потолком или закрытая полка, ставящаяся на верх шкафа, серванта и т. п. для хранения вещей» [БТС: 43]. Как видим, значение ТСРЯ в БТС сохраняется, хотя помета определяет слово уже не просто как устаревшее, а как конкретный историзм. Второе значение вполне могло появиться и в ТСРЯ: знакомство с архитектурой зданий XIX века позволяет говорить о существовании «верхних полуярусов в виде открытой галереи с перилами». Третье же значение отвечает представлениям о современных городских квартирах и их обстановке: и настилы под потолком, и закрытые полки на верш шкафа или серванта есть практически везде. Площадь квартир резко уменьшилась, прислуга (и в ТСРЯ, и в БТС есть текстовые иллюстрации, повествующие про прислугу, живущую на антресолях) исчезла, но потребность что-то разместить без ущерба основному помещению, повыше, осталась, и антресоли уменьшились до минимума, но все-таки сохранились. Странно, что в тридцатые годы XX века до этого еще не дошло!

Лексема *автомат* в ТСРЯ имеет следующие значения: «1. Аппарат, выполняющий определенную работу самостоятельно, действием внутреннего механизма. 2. Механическая заводная кукла; *перен.* 'человек, действующий бессознательно, машинально, безучастно' [ТСРЯ, 1: 10].

Первое значение вполне соответствует представлениям об устройствах, обеспечивающих автоматизированные производственные процессы, однако дефиниция в БТС более развернута, что наглядно демонстрирует вхождение автоматических устройств в нашу жизнь: «самодействующее устройство (аппарат, машина, прибор), производящее работу по заданной программе без непосредственного участия человека». В примерах нашли отражение и автоматы с газированной водой, и игровые автоматы, и кассы-автоматы, и телефон-автомат; отмечена возможность разговорного *автомат* о телефоне-автомате [БТС: 26]. Естественно появление нового значения: 2) 'ручное автоматическое скорострельное оружие' – во времена Д. Н. Ушакова автомата Калашникова еще не было.

Второе значение ТСРЯ заставляет

вспомнить о Гофмане. В БТС значение, связанное с куклой-автоматом, исчезает, реальный для современников Д. Н. Ушакова перенос «кукла» – «человек, подобный кукле» заменяется в третьем значении БТС («о человеке, действующем по выработанному шаблону, безучастно и механически совершающем что-л.» [Там же]) переносом «человек» – «механизм» (ср. «по заданной программе» – «по выработанному шаблону»).

Дефиниция словаря 30-х годов XX века к слову *абитуриент* такова: «*Дореволюц. и загр.* Учащийся среднего учебного заведения, который держит выпускной экзамен» [ТСРЯ, 1: 3]. Для большинства европейских стран (а теперь и для России) сдача выпускного экзамена решала и вопрос о поступлении в вуз. Небольшое количество высших учебных заведений и ограниченное количество поступающих в них еще не сделало актуальным само понятие «человек, поступающий в университет (институт)». В практике второй половины XX века в СССР это понятие стало существенно важным: все учащиеся сдавали выпускные экзамены, но они не представляли особых прав при поступлении в вуз, в то время как вступительные экзамены были серьезным испытанием и имели определяющее значение для тех, кто хотел получить высшее образование. Отсюда современное *абитуриент* «тот, кто поступает в высшее или среднее специальное учебное заведение» [БТС: 23]. Правда, с введением ЕГЭ у старого значения появился шанс возрождения.

Нередко лексикограф не успевает за изменениями действительности вокруг него. Так, асфальт, известный в России еще в XIX веке, определяется в ТСРЯ следующим образом: «черная смолистая масса минерального происхождения, употр. при устройстве дорог, тротуаров, полов и в некоторых отраслях строительной и химической промышленности» [ТСРЯ, 1: 66]. Сема изготовления искусственным путем отсутствует, зато достаточно широко представлена сфера употребления асфальта, при этом несколько странно выглядит устройство полов, сейчас связанное только с бетоном. (Хотя есть еще и асфальтобетон – может быть именно его тогда использовали для полов? Интересно, были ли асфальтовые полы в 30-е годы.) Ср. дефиницию слова

асфальт в БТС: «1. Черная смолистая масса: смесь битума с известняками, естественного или искусственного (разрядка наша. – М. Р.) происхождения (используется для покрытия дорог, тротуаров, улиц и т. п.). 2. Дорога, тротуар, улица и т. п. (включается ли сюда пол? – М. Р.), покрытые такой массой» [БТС: 50]. В Большом современном толковом словаре русского языка (онлайн, 2012) значения для искусственного и естественного асфальта разделяются, а также вновь добавляется указание на более широкое использование, чем только строительство дорог: «1. Ископаемая смолистая порода черного цвета, образующаяся из нефти. 2. Искусственная черная смолистая масса – смесь битума с песком, гравием, щебнем и т. п., используемая при строительстве дорог и в некоторых отраслях промышленности. 3. Разг. Мостовая, тротуар и т. п., покрытые такой массой» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]. Характерно, что во всех словарях остается зримый образ асфальта – «черная смолистая масса», так знакомая каждому городскому жителю, привыкшему к ремонту асфальтированных дорог и улиц. Ср. развернутый конкретный образ, представленный в АСРЯ: «Черная смолистая масса, затвердевающая при остывании, которую укладывают в горячем состоянии ровным гладким слоем на дороги и другие пространственные объекты, предназначенные для перемещения транспортных средств и людей, в результате чего образуется твердое покрытие этих объектов» [АСРЯ, 1: 116]. Действительно, точный «портрет лексических знаний образованного носителя языка» [Апресян 2014: 7]. Существовал ли такой портрет в языковом сознании образованных носителей русского языка 30-х годов прошлого века?

Вошедшая в жизнь страны реалия не сразу обретает тот самый лингвистический портрет. Так, нет сомнений, что в 30-е годы автомобиль был уже знаком каждому городскому жителю. Но вот дефиниция обозначения этой реалии в ТСРЯ: «экипаж, приводимый в движение собственным механическим двигателем» [ТСРЯ, 1: 10]. Для образованных людей начала XXI века *экипаж* – это «команда, личный состав корабля, самолета, танка» [БТС: 1514] и только

потом откуда-то из пассивного запаса может всплыть омоним – «легкая рессорная повозка для пассажиров» [Там же]. Учитывая, что для составителей ТСРЯ *экипаж* – это тоже «легкая повозка», понимаешь, что за словом *автомобиль* стоит прежде всего легковой автомобиль, хотя в словаре есть слово *грузовик* с пометой «нов.» и толкованием «грузовой автомобиль» [ТСРЯ, 1: 640]. Получается «грузовой экипаж (легкая повозка), приводимый в движение собственным механическим двигателем». Нонсенс? Нет, первые шаги в формировании адекватного портрета лексических знаний.

Кстати, что такое в данном случае «механический двигатель»? Двигатель в ТСРЯ – «машина, приводящая что-н. в движение, механизм, преобразующий какой-н. вид энергии в механическую работу (тех.). *Д. внутреннего сгорания. Электрический д.*» [ТСРЯ, 1: 657]. Поскольку двигатель внутреннего сгорания уже упоминается, странно, что его нет в дефиниции автомобиля, ср. определение в БТС: «самоходная машина с двигателем внутреннего сгорания для перевозки пассажиров и грузов по безрельсовым дорогам» [БТС: 27]. В онлайн словаре 2012 года определение слегка варьирует: «транспортное средство с двигателем внутреннего сгорания, предназначенное для перевозки пассажиров и грузов по безрельсовым дорогам» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]. Замена несколько архаического «самоходная машина» на «транспортное средство» переводит дефиницию в современное русло, и дефиниция казалась образцовой, но при случайно возникшем обсуждении водитель автомобиля заметил: «А бывают же не только двигатели внутреннего сгорания!». Последний штрих в современное видение автомобиля вносит АСРЯ: «наземное транспортное средство с двигателем, работающим на топливе, предназначенное для перевозки людей и грузов» [АСРЯ, 1: 45]. Возникает вопрос о соотношении сем «наземное» и «по безрельсовым дорогам». Пожалуй, «наземное» более точно – ведь есть и внедорожники! Насколько наши современные знания об автомобилях шире тех, что были в 30-е годы! Насколько разнообразнее стали «экипажи, приводимые в движение собственным механическим двигателем»!

Коррективы появляются и при определении понятия «автомобилист». В ТСРЯ с пометой «спорт.» приводится значение «занимающийся автомобильным спортом». В БТС дается определение «тот, кто занимается автомобилизмом (т. е. «автомобильным делом, автомобильным спортом»)» [БТС: 27]. В Большом толковом словаре 2012 года находим более конкретное толкование понятия «автомобилизм» – наряду с значением «автомобильный спорт» в качестве первого значения выступает: «комплекс знаний и навыков, необходимых для вождения автомобиля, обслуживания и ремонта; автодело» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]. Еще одно словарное свидетельство изменения реалий и отношения к ним.

С историей семантики слова *автомобиль* переключаются семантические нюансы слова *автобус*. В ТСРЯ он определяется как «многоместный автомобиль общего пользования, служащий для сообщений по определенному маршруту» [ТСРЯ, 1: 9], т. е. речь идет о рейсовом автобусе. В БТС это «многоместный автомобиль, вид пассажирского транспорта» – значение расширяется. В онлайн словаре 2012 года выделены уже два значения: «1. Многоместный автомобиль для перевозки пассажиров. 2. разг. Вид пассажирского транспорта» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]. АСРЯ вновь создает конкретный образ реалии: «наземное транспортное средство с двигателем, работающем на топливе, имеющее внутри большое пространство с рядами сидений вдоль стенок для людей и проходом между сиденьями» [АСРЯ, 1, 44]. Действительно, не является ли в нашем сознании наличие в автобусе рядов сидений с проходом между ними более важным компонентом значения, чем использование топлива?

Интересна судьба слова *аграрий*. В ТСРЯ это «крупный землевладелец (в Зап. Европе)» [ТСРЯ, 1: 13]. Взятое в скобки дополнение четко коррелирует с самим значением – в СССР крупных землевладельцев быть не могло. В БТС старое значение остается, правда, уже без отсылки к зарубежью: «крупный землевладелец, помещик». Но появляется и второе значение: «Специалист по сельскому хозяйству. || Специалист по аграрному вопросу» [БТС: 28].

В Большом толковом словаре онлайн значение «земледелец» исчезает, 2-е значение становится первым и прописывается более дифференцированно, плюс появляются два новых, рожденных перестройкой: «1. Специалист в области теории и практики сельского хозяйства; специалист по аграрному вопросу. 2. Тот, кто занимается земледелием, сельским хозяйством. 3. Член Аграрной партии» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012].

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о подсудном движении на пути познания тех или иных реалий действительности, которое не сразу отражается в словарях, в чем-то отстающих от лингвистических портретов реалий в сознании своих современников и не всегда находящих адекватные формы воплощения этих знаний в словарных дефинициях.

Словари дают возможность проследить и модификации языкового сознания людей в разные временные периоды. Показательным в этом отношении представляются вариации значения слова *анекдот*. В ТСРЯ это «вымышленный короткий рассказ о смешном забавном происшествии, || само происшествие, || выдумка, вымышленный случай». Тут же приводится выражение *скверный анекдот* – «неприятное происшествие, неприятность» [ТСРЯ, 1: 40]. Дефиниция вполне отвечает значению, сложившемуся еще в XVIII–XIX веках – ср. «дней минувших анекдоты» у А. С. Пушкина. В современных словарях это значение упоминается, но в качестве основного выступает другое, формулируемое (с незначительными вариациями) как «один из жанров фольклора: короткий юмористический рассказ, обычно высмеивающий кого-, что-л.» [БТС: 40]. Характерно, что при этом нет никаких упоминаний о политических анекдотах – в советское время это было невозможно, но запрет, как ни странно, сохранился и сейчас, ср.: «1. Короткий рассказ о каком-либо вымышленном событии, забавном случае. || Само это событие, сам этот случай. 2. Устный короткий рассказ с неожиданным остроумным концом» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]; «придуманый неизвестным автором короткий смешной рассказ с неожиданным концом о ситуации, явлении или объекте, устно рас-

пространяемый от одного человека к другому» [АСРЯ, 1: 87]. Впрочем, в настоящее время анекдотами все чаще называются неостроумные шуточки «ниже пояса». Вполне отвечает этому изменению значения слова *анекдотичный*. В ТСРЯ это «похожий на анекдот, небывалый, маловероятный, забавный, оригинальный» [ТСРЯ, 1: 40], в БТС – «похожий на анекдот; маловероятный, небывалый» (оригинальность исчезла), в онлайн словаре 2012 года – «похожий на анекдот; смешной, нелепый» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]. Комментарии излишни.

Наряду с семантическими сдвигами возможна также расширенная специализация значения. Так, слово *аттестат* в 30-е годы фиксируется в трех значениях с общей семой «свидетельство о чем-либо»: «1. Письменное свидетельство об окончании учебного заведения. 2. Свидетельство о прохождении службы. Рекомендация с места прежней службы. 3. Документ с указанием происхождения породистых животных» [ТСРЯ, 1: 60]. В БТС это: «1. Официальный документ об окончании среднего учебного заведения. 2. Документ, удостоверяющий право военнослужащего (или члена семьи офицера) на получение денежного, вещевого и другого довольствия. 3. В России до 1917 г. свидетельство или письменный отзыв о прохождении службы. 4. Документ, удостоверяющий породистость животного» [БТС: 51]. Как видим, два значения сохранились, причем одно из них получило помету, указывающую на выход из употребления (интересно, что в ТСРЯ такой пометы нет, хотя речь идет о дореволюционной эпохе). Первое значение специализировано – теперь это только документ об окончании среднего учебного заведения. Годы войны вызвали к жизни значение, ставшее в БТС вторым. Однако несомненна неполнота описания семантики слова, и этот недостаток исправляет словарь онлайн, где фиксируется значение «свидетельство о присвоении ученого звания» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012], уже давно функционирующее в узусе и зафиксированное академическим словарем современного русского языка в 17-ти томах.

Можно отметить изменение коннотации лексем. Так, слово *актерство* в ТСРЯ

толкуется как «притворство, рисовка», что придает ему ощутимую негативную окраску. В БТС толкование включает в себя две части, где в первой допускаяется и отсутствие негации: «Умение притворяться кем-л. или каким-л., для прикрытия истинных чувств, мыслей и т. п.». С другой стороны, вторая часть дефиниции – «позирование перед кем-л. в расчете на благоприятное впечатление, успех у окружающих» [БТС: 33] – негацию сохраняет. В словаре онлайн это значение разведено на два [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012].

Удивляет различие словарных дефиниций для слова *азартный*. В ТСРЯ оно толкуется как «увлекающийся, несдержанный, запальчивый», соотносится с *азарт* – «запальчивость, задор» [ТСРЯ, 1: 18]. В БТС находим «задорный, горячий, страстно увлекающийся», при этом *азарт* – «сильное возбуждение, вызванное страстной увлеченностью чем-л., задор, пыл» [БТС: 30]. Хотя определения существительного переключаются, оценочные характеристики прилагательных явно различаются. В АСРЯ прилагательное *азартный* отсутствует, но *азарт* определяется как «очень большая степень возбуждения человека, вызванная крайней увлеченностью тем делом, кото-

рое он в данный момент делает и которое доставляет ему удовольствие» [АМРЯ, 1: 59]. Получается, что в наше время азартность оценивается более положительно. Возможно, на такую оценку оказало влияние длительное отсутствие условий для азартной карточной игры в нашей стране. Но так и хочется высказать предположение о субъективности составителей, которая так или иначе всегда присутствует.

Заключение

Завершая заметки о семантических изменениях в русском языке, зафиксированных словарями двух эпох, отметим, что это только одна линия фиксации сложнейшего процесса модификации лексической семантики. Все привлеченные к сопоставлению словари выстраивают лексическую семантику не исходя из множества контекстных смыслов, как это делается в академических словарях, а с опорой на знание языковых значений и типичной сочетаемости. Это позволяет охватить большой объем лексического материала, собранный в достаточно компактных изданиях, но угрожает субъективизмом в формулировке дефиниций. Однако любой словарь – портрет своей эпохи, и в этом его непреходящая ценность.

Литература

- Активный словарь русского языка. Т. 1 / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 408 с.
- Апресян, Ю. Д. Об активном словаре русского языка / Ю. Д. Апресян // Активный словарь русского языка. Т. 1 / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – С. 5–36.
- Большой толковый словарь русского языка / автор и руководитель проекта, главный редактор С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
- Ермакова, О. П. Семантические процессы в лексике / О. П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985–1996). – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 32–66.
- Какорина, Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) / Е. В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985–1996). – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 67–89.
- Крысин, Л. П. Дмитрий Николаевич Ушаков и «ушаковский» словарь / Л. П. Крысин // Крысин Л. П. Статьи о русском языке и русских языковедах. – М. : Флинта ; Наука, 2015 – С. 507–517.
- Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал, ун-та ; ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
- Никитин, О. В. «Чистый сердцем человек» (К 130-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Русский язык за рубежом. – 2003. – № 3. – С. 79–81.
- Никитин, О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») / О. В. Никитин // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 1 (7). – С. 195–228.
- Никитин, О. В. «Ушаковская эпопея». Неизвестные страницы знаменитого словаря // Русская речь. – 2016. – № 3. – С. 51–62.
- Никитин, О. В. Из истории отечественного языкознания XX века: к 145-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 1 (170). – С. 88–95.

Ожегов, С. И. Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник (Предварительные наброски) / С. И. Ожегов // Словарь и культура русской речи. К 150-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М. : Индрик, 2001. – С. 410–412.

Панов, М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество / М. В. Панов // Ушаков, Д. Н. Русский язык : учебное пособие. – М. : Просвещение ; Учебная литература, 1995. – С. 8–40.

Русский язык конца XX столетия (1985–1996) / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 480 с.

Толковый словарь русского языка. Т. 1: А–Кюрины / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935. – 1562 ст.

References

Apresyan, Yu. D. (2014). Ob aktivnom slovare russkogo yazyka [About the Active Vocabulary of the Russian Language]. In Apresyan, Yu. D. (Ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka*. Vol. 1: Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 5–36.

Apresyan, Yu. D. (Ed.). (2014). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active Vocabulary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 408 p.

Ermakova, O. P. (1996). Semanticheskie protsessy v leksike [Semantic Processes in Lexicon]. In *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1996)*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 32–66.

Kakorina, E. V. (1996). Transformatsiya leksicheskoi semantiki i sochetanosti (na materiale yazyka gazet) [Transformation of Semantics and Correlation (Based on the Language of Newspapers)]. In *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1996)*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 67–89.

Krysin, L. P. (2015). Dmitrii Nikolaevich Ushakov i Ushakovskii Slovar [Dmitry Nikolaevich Ushakov and Ushakov's Dictionary]. In Krysin, L. P. *Stat'i o russkom yazyke i russkikh yazykovedakh*. Moscow, Nauka, pp. 507–517.

Kupina, N. A. (1995). *Totalitarnyi yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions]. Ekaterinburg, Perm, Ural University Publishing House, ZUUNTS. 144 p.

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. Saint Petersburg, Norint, 1536 p. (=BTS)

Nikitin, O. V. (2003). "Chisty serdtsem chelovek" (K 130-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova) [The Person with an Open Heart (to the 130th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov)]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 3, pp. 79–81.

Nikitin, O. V. (2004). Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-kh gg. (predystoriya "Ushakovskogo slovary") [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s. (Prehistory of the "Ushakovsky Dictionary")]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 1 (7), pp. 195–228.

Nikitin, O. V. (2016). Ushakovskaya epopeya : neizvestnye stranitsy znamenitogo slovary [Ushakov Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62.

Nikitin, O. V. (2018). Iz istorii otechestvennogo yazykoznaniya XX veka : K 145-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [From the History of Russian Linguistics of the XX Century: to the 145th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (170), pp. 88–95.

Ozhegov, S. I. (2001). Slovar' revolyutsionnoi ehpokhi. Istoriko-kul'turnyi spravochnik (Predvaritel'nye nabroski) [Dictionary of the Revolutionary Epoch (Preliminary Ideas)]. In *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova*. Moscow, Indrik, pp. 410–412.

Panov, M. V. (1995). Dmitrii Nikolaevich Ushakov. Zhizn' i tvorchestvo [Dmitry Nikolaevich Ushakov. Life and Studies]. In Ushakov D. N. *Russkii yazyk: uchebnoe posobie*. Moscow, Prosveshchenie, pp. 8–40.

Ushakov, D. N. (Ed.). (1935). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow, OGIЗ. 1562 p.

Zemskaya, E. A. (Ed.). (1996). *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1996)* [The Russian Language of the Late 20th Century (1985–1996)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 480 p.

Данные об авторе

Рут Мария Эдуардовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: moerut@yandex.ru.

Author's information

Ruth Maria Eduardovna – Doctor of Philology, Professor of Department the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication Tools, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).